

Библиотека Классической Литературы

КОНСТАНТИН ВОРОБЬЕВ

Убиты под Москвой
Крик
Повести

Москва 2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Предисловие «Живой» *Д. Быкова*

Предисловие «Честно жил, честно писал» *С. Романова*

Оформление серии *А. Бондаренко*

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы репродукции картин «Осенние хляби» (1942 г.) и «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года» (1941 г.) художника *А.А. Дейнеки*.

Воробьев, Константин Дмитриевич.

В75 Убиты под Москвой. Крик. Повести / Константин Воробьев. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-04-109893-3

В книгу вошли лучшие повести К.Д. Воробьева (1919 – 1975) – писателя сложной судьбы несмотря на то, что каждое слово писателя «кричит о человечности, о достоинстве, о силе и милосердии» (Дм. Быков). Честно отобразившие жизнь деревни в период коллективизации, события Великой Отечественной войны повести писателя автобиографичны. Прожитые самим автором, выстраданные, они описывают события глазами очевидца, пережившего коллективизацию еще юным, участвовавшего в боях под Москвой зимой 1941 года, попавшего в плен, трижды бежавшего из лагерей, в третий раз удачно, ставшего руководителем партизанского движения, и потому не лгут ни одной интонацией. Его называли русским Хемингуэем, и, возможно, в последней незавершенной работе «...И всему роду твоему», включенной в эту книгу, эта параллель наиболее очевидна.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воробьев К. Д., наследники, 2020
© Быков Д. Л., предисловие, 2020
© Романов С. С., предисловие, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо, 2020

ISBN 978-5-04-109893-3

Содержание

Живой

Дмитрий Быков

7

ЧЕСТНО ЖИЛ, ЧЕСТНО ПИСАЛ

Сергей Романов

12

ПОВЕСТИ

Крик

29

УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ

93

ПОЧЕМ В РАКИТНОМ РАДОСТИ

161

ДРУГ МОЙ МОМИЧ

246

...И ВСЕМУ РОДУ ТВОЕМУ

399

Живой

В 2008 году на одном из сетевых форумов кипела бурная дискуссия о повести Константина Воробьева «Убиты под Москвой» (опубл. 1963). Военные историки с потрясающим апломбом и пафосом ловили Воробьева, участника обороны Москвы в ноябре 1941 года, на вранье и некомпетентности. Сетевые историки вообще безапелляционные ребята. Им лучше очевидцев известно, как рота шла на фронт, чем была вооружена, как немцы выставляли боевое охранение и какой был звук у немецкого миномета. Они потрясают штатными расписаниями и ТТХ (тактико-техническими характеристиками) тогдашних вооружений. Суд над Воробьевым вершится скорый и единогласный: очернитель, а быть может, и провокатор! Как хотите, в шестьдесят третьем до такого не доходило. О неразберихе и катастрофических потерях первых месяцев войны тогда помнили. Даже официальная критика, топча «Убиты под Москвой» и «Крик», не упрекала Воробьева во лжи — а ведь живы были миллионы очевидцев. Больше того: фронтовики мгновенно опознали беспримесную правду во всех военных сочинениях Воробьева, как впоследствии те, кто уцелел в плену, увидели такую же мучительную достоверность в первом его сочинении — «Это мы, Господи!». Некоторые теперь, на тех же форумах, сомневаются: как мог Воробьев сразу после побега, отсиживаясь на чердаке,

за месяц написать повесть о плене? Ему что, делать больше было нечего? Но в одном из лучших его автобиографических рассказов «Картины души» описана страшная, уже послевоенная, угроза безвестной гибели: художнику, тонущему в бурю посреди озера, страшнее всего, что никто ничего не узнает. И, видя случайного шофера на берегу, он находит в себе силы, выгребает, спасает дырявую лодку и себя — а тут и спасительный плавучий островок. Воробьев был такой писатель — рассказать свое было ему необходимо физиологически. Ведь не узнают!

Эти упреки во лжи, вымысле, очернительстве, фактической и психологической недостоверности сопровождали тогда — и сопровождают ныне, в дни очередных массовых вспышек самодовольства и паранойи, — всю честную русскую литературу, начиная с Астафьева, который первым из собратьев оценил Воробьева, и кончая Окуджавой, постоянно выслушивавшего от высокопоставленных военных, что «такого на фронте не было». На фронте было все, включая такое, чего не выдумает никакое очернительское воображение, — но только слепоглухой и деревянный не почувствует той абсолютной подлинности, которая у Воробьева в каждой детали; не ощутит узнаваемости состояния — поверх визуальных и разговорных мелочей, которых тоже не выдумаешь; не увидит сновидческой точности картин боя, отступления, курсантских похорон — это много раз было увидено в подробных кошмарах, прежде чем записано. Воробьев умер в 1975 году от опухоли мозга, частого последствия фронтовой контузии; но и теперь одно животное, не найду другого слова, в Интернете усомнилось — что это его переводили из лагеря в лагерь, недострелили сразу, после первого побега? Может, он был у немцев осведомителем — их же берегли?

Уж подлинно советская власть, со всеми своими орудиями растления, не растлила Россию так, как двадцать лет безвременья, после которых никто не верит ничему.

Но потом думаешь: вот, 90 лет со дня рождения исполнилось 24 сентября 2009 года, — а насколько живее всех

живых! Истинная мера бессмертия — ненависть. Кто сейчас ненавидит Бубеннова, Бабаевского, Симонова — простите, что поставил настоящего писателя рядом с титанами соцреализма? Даже Трифонова для приличия хвалят, хотя втайне, конечно, чувят классово-чуждость. А Окуджава, Воробьев, Астафьев, Василь Быков, Солженицын — сплошь очернители и прихвостни, вдобавок недостаточного повоевавшие. Чистая логика военкомов: те, кто пишут правду о войне, кому плохо на ней, — плохие солдаты.

Ребята, это же бессмертие! Вот так оно выглядит, а вы как себе представляли? Это же кем надо быть, чтобы в авторе нежнейших и мощнейших текстов в русской послевоенной прозе, в создателе «Моего друга Момича», «Крика», «Великана» — увидеть потенциально возможного осведомителя и вруна?! Ведь в текстах Воробьева каждое слово кричит о человечности, о достоинстве, о силе и милосердии, — но эти-то качества и неприемлемы для стратегов всех мастей. Им желательно видеть народ тупой массой, радостно ложающейся под серп; безгласным орудием для осуществления их глобальных бездарных замыслов. А потому Воробьев им — нож вострый, даже через 34 года после смерти. О чем бы он ни писал — о коллективизации, о фронте, о плене, о советском издательстве, о прибалтийском санатории, — он мгновенно вычисляет, люто ненавидит и прицельно изображает всех, кто может подняться только за счет чужого унижения. Всех трусливых демагогов, фарисеев, лицемеров, всех, кто ищет и жаждет доминирования, — тогда как герой Воробьева жаждет одного только понимания, и от этого понимания расцветает. Воробьев, может быть, и есть тот идеальный русский человек, каким он был задуман («Я не требовал наград, потому что был настоящим русским» — записные книжки, и ведь правда): рослый, сильный, выносливый красавец, рыбак, плотник, стрелок, партизан, писатель от Бога, с врожденным чувством слова. И такая жизнь — он словно притягивал громы, да и мог ли такой человек вызывать любовь у разнообразных упырей? Упыри ведь тоже обладают чуть-

ем на талант и силу. Им невыносим Воробьев — с его изобразительной мощью, пластическим даром (вспомните описание церкви в «Момиче», портрет Маринки в «Крике»), с его влюбчивостью, избытком таланта, с вечной его вольной усмешечкой — как ненавязчиво и точно он шутит! Каким комизмом пронизан «Великан», самая мирная из его вещей, — но и ее топтали, даром что в ней-то никакого военного очернительства. Просто герои уж очень свободны — помню некоторый шок от чтения этой вещи в отрочестве, в старых дачных «Современниках». Я тогда хорошо запомнил Воробьева, и когда лет пятнадцать спустя познакомился с чудесным прозаиком и сценаристом Валерием Залотухой, в какой-то связи упомянул «Великана». «Любишь Воробьева?! — восхитился Залотуха. — Нас мало, но мы тайное общество!» Может быть, именно сочетание независимости и нежности — по крайней мере на уровне стремлений — объединяет всех этих людей, к которым так хочется причислить и себя.

Парадоксальную вещь сейчас скажу, но ничего сенсационного в ней, если вдуматься, нет: Воробьев был самым американским из русских писателей, странным сочетанием Хемингуэя и Капоте (Хемингуэя страстно любил, хотя не подражал, и дал ему самую точную характеристику: «Вы видели его последний снимок? С таким предсмертно-виноватым выражением? Как выдержать свое естественное поведение, если оно непонятно тому, другому? Приходится подлаживаться, и тогда на лице человека появляется вот такое хемингуэевское выражение...»). Хемингуэй чувствуется в военных его вещах, а явно нечитаная (хотя кто знает?) «Луговая арфа» Капоте — в «Момиче», в образе тетки Егорихи, в авторском «мы», объединяющем тетку и полусумасшедшего Ивана... Дело, вероятно, в том, что Воробьев долго жил в Литве — против воли, ибо осел там после войны: здесь он воевал в партизанском отряде, потом работал в магазине, потом — в газете... а в Россию возвращаться было некуда. Близость Запада сказалась — Прибалтика была «дозволенной Европой»; здесь не так въелась

в кровь рабская оглядка. Хотя и своего рабства хватало, и прорабатывали здесь Воробьева по полной программе. Может, идеальное русское и невозможно без прививки западного, без этого легчайшего налета независимости — эта примесь так видна у Пушкина, Толстого, Блока, у всех лучших наших, вот и у Воробьева, русского Хемингуэя, прожившего так трудно и мало.

Его пятитомник вышел в родном Курске в 2008 году. Главную свою вещь — «...И всему роду твоему» — он не закончил, жилья и работы в Москве не получил, половину написанного напечатанным не увидел, государственных наград, кроме грамот от военкомата за поездки в воинские части, не имел. В 2001 году Солженицын наградил его своей премией — посмертно.

Есть, однако, и в этой судьбе высшая логика. Захваленных и чтимых — забывают, а вина перед теми, кому недодано, саднит долго. Со всех сторон получается — живой.

Дмитрий Быков

ЧЕСТНО ЖИЛ, ЧЕСТНО ПИСАЛ

Честно жил, честно писал.

В 2019 году исполнилось сто лет со дня рождения Константина Дмитриевича Воробьева — выдающегося русского писателя и честнейшего, порядочнейшего человека. Профессор кафедры литературы Курского государственного университета Андрей Ефимович Кедровский в книге «Земляки», посвященной творчеству К.Д. Воробьева и Е.И. Носова, писал: «Более честного художника-летописца, чем Константин Воробьев, трудно себе представить. Свидетель и участник событий 30-х годов, офицер-фронтовик, военнопленный, командир партизанской группы, он фактически писал о том, что сам непосредственно пережил, сделал, испытал». Ту же мысль высказал писатель и сценарист Виктор Смирнов во вступительной статье к книге К.Д. Воробьева «Заметы сердца»: «Вы войдете сейчас в мир писателя, который был не просто искренен и честен, он был болен честностью. Малейшую ложь, где бы она ни произносилась, он воспринимал как удар по себе, как личную обиду и оскорбление...»

Во многих справочниках и учебных пособиях указано, что Константин Воробьев родился 24 сентября 1919 года, но на самом деле это — второй день рождения писателя, так как 24 сентября 1943 года он совершил удачный побег из Шяуляйского лагеря. В действительности же Константин Воробьев родился 16 ноября 1919 года, о чем знают немно-

гие — преимущественно те, кто имеет возможность общаться с Натальей Константиновной, его дочерью. О тайне рождения Константина Дмитриевича его вдова, Вера Викторовна, так писала в своих воспоминаниях о муже, которые называются «Розовый конь»: «У него было пять сестер и брат. Старшие Татьяна и Мария родились еще до Первой мировой войны. Их отец, Дмитрий Матвеевич Воробьев, в 1916 году ушел на войну, попал в плен, и пять лет от него не было вестей. В это время у Марины Ивановны в 1919 году родился сын Константин. Кто был его отцом, в семье не знали — мать свято хранила тайну. По словам Марии Дмитриевны (в 1975 году она уверяла, что мать ей открылась перед смертью), отец Константина — австрийский офицер, который, будучи раненым, однажды ночью постучался к ним в хату, и мать приютила его. Скрывала несколько месяцев в своем доме, потом рана зажила, и на заре она проводила его в дорогу навсегда. Тот был очень красивый, говорила она, высокий и стройный. В деревне же ходили разговоры, что отец Костика — русский белый офицер, называли то фамилию Останкова, то Письменнова. Мать назвала фамилию Письменнова, когда Константин Дмитриевич, будучи уже взрослым, спросил ее: «Кто отец?» И сыну Сергею сказал: «Запомни, Сергей, мы — Письменновы». Было даже желание сразу после войны взять себе фамилию Письменнов, но не хотел обижать отчима, а когда стали книги выходить, было уже поздно». Как мы видим, Вера Викторовна приводит здесь сразу несколько взаимоисключающих версий, и непонятно, какую из них она сама считает основной.

Дмитрий Матвеевич вернулся в 1921 году и усыновил незаконнорожденного Костю. О своем отчиме Константин Дмитриевич всегда говорил с чувством благодарности. При этом писатель в рассказе «Ничей сын» представил и другой, трагический вариант аналогичной истории.

В 1933 году, после ареста отчима, Воробьев стал главным кормильцем семьи; получая в сельмаге зарплату хлебом, доносил его целиком до дома, несмотря на искушение отщипнуть крошечку. А ведь это год, когда в Курской

области вымирала целыми семьями, посылки из Москвы не разрешались, сады вырубались из-за непосильного налога, а за распространение информации о голоде сажали.

С годом рождения Константина Воробьева тоже не все просто. Например, критик и литературовед Олег Михайлов в 1967 году поздравлял Константина Воробьева с юбилеем. И не только он полагал, что писатель родился в 1917-м. Дело в том, что после окончания школы Воробьев поступил в сельхозтехникум в Мичуринске, тогда и исправил себе в справке год рождения с 1919 на 1917-й. Об этом можно узнать из письма Константина Воробьева режиссеру Ричарду Викторову: «Однажды с сомнительным успехом я пробовал выучиться на какого-то «эндокринника». Было это в голодный год, и я, спасаясь от лиха, подделал себе в справке лета и махнул в Мичуринск, где и был этот техникум. Эндокринник — это что-то связано с бойнями и мясокомбинатами. Словом, я проучился недели три, и все эти двадцать дней нас кормили кишками. Все, что было в городе и его садах, — все провоняло этими кишками. Ужас один, как это противно, ежели кишки и кишки, а больше ничего. И я сбежал опять в голод».

В 1935 году, работая в Медвенской районной газете, Константин Воробьев написал стихотворение на смерть Куйбышева, заканчивавшееся строчками «Ты не один, в аду с тобою/ И Сталин будет в краткий срок». И хотя стихотворение удалось уничтожить до того, как оно попало на глаза редактору Касьянкину, но Константина Дмитриевича все равно изгнали из редакции за «преклонение перед царской армией». Поводом послужила книга «Отечественная война 1812 года», которую читал Воробьев. После увольнения будущий писатель уехал в Москву к сестре Татьяне, работал в редакции фабричной газеты «Свердловец» ответственным секретарем, а вечером посещал среднюю школу.

В октябре 1938 года Константин Воробьев был призван в армию, проходил службу в западной Белоруссии. После окончания воинской службы (июль 1940 года) работал

литературным редактором газеты в Академии Красной Армии имени Фрунзе, откуда был направлен на учебу в Кремлевское Краснознаменное пехотное училище.

В октябре 1941 года в составе роты кремлевских курсантов К.Д. Воробьев попадает на фронт. Оказавшись в плену, Воробьев проходит Клинский, Ржевский, Смоленский, Саласпилский концлагеря, 9-й Каунасский форт, Паневежскую и Шяуляйскую тюрьмы. Трижды бежал, удачно — 24 сентября 1943 года, и с тех пор эту дату он считал своим вторым днем рождения. С сентября 1943 года по август 1944 года Воробьев командовал отдельной партизанской группой, состоящей из военнопленных, бежавших из лагерей. Группа входила в состав литовского партизанского отряда «Кястутис», принимала участие в освобождении города Шяуляй. После вступления в город советских войск наряду с другими военнопленными Константин Воробьев испытал мучительные проверки в органах НКВД. Вера Викторовна Воробьева вспоминала: «Часто вызывали Константина Дмитриевича в органы безопасности и держали до утра. Грозили, оскорбляли, выказывая недоверие. Но среди допрашивающих нашелся молодой офицер, который старался задавать такие вопросы, чтобы можно было закрыть дело и избежать ареста. Конечно, только благодаря силе своего духа, логике и наличию воли, Константин Дмитриевич смог выйти победителем в этом поединке. Его оставили на свободе». Воробьев был назначен начальником штаба МПВО города.

В дальнейшем Константин Воробьев неоднократно с гневом и презрением будет писать о тех «героях», чья доблесть заключалась в издевательствах над соотечественниками. В его «Записных книжках» можно обнаружить такую историю: «Д. — командир партизанского отряда. По окончании войны ему предложили работу в НКВД. Он сообщил об этом своему старику отцу. Тот, подумав, сказал:

- Тебе сейчас нельзя.
- Почему?
- Вначале надо операцию сделать.
- Какую?